

Абрамов Р.Н.

**СЕМИОТИЧЕСКИЕ ЛАНДШАФТЫ
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ НОСТАЛЬГИИ:
НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЕФИКАЦИИ
СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО®**

*Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
Москва, Россия, socioport@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена семиотическим отражениям постсоветской ностальгии в трех странах бывшего социалистического блока – Германии, Эстонии, России. Основное внимание уделено материальным и символическим формам ностальгии, которые проявляются как музеефикация и коммодификация советского прошлого. В немецком варианте еще в 1990-е годы стал появляться феномен ностальгии, который отражен в частных и коммерческих музеях о повседневности ГДР. В статье сравниваются экспозиции двух берлинских музеев. В Эстонии есть несколько музеев, связанных с советским прошлым в истории страны, включая музеи оккупации. В данной статье рассматривается два кейса эстонской коммеморации периода социализма, мрачный музей КГБ в Тарту и руинированные остатки советских военных объектов на острове Хийумаа. Показывается противоречивость восприятия советского прошлого в этой балтийской стране. На примере московских музеев советской игрушки и Музея «Яндекса» показаны символические и материальные формы существования советского прошлого в современной России в его ностальгическом измерении. Статья основана на материалах включенного наблюдения и этнографии музейных пространств.

Ключевые слова: музеи; семиотика; ностальгия; советское время; историческая травма; Восточная Германия.

Поступила: 05.07.2019

Принята к печати: 20.07.2019

Abramov R.N.

**Semiotic landscapes of postcommunist nostalgia: on the case of
the museumification of the Soviet past**

*Federal research sociological center of RAN,
Moscow, Russia, sociportal@yandex.ru*

Abstract. The focuses on the semiotic reflections of post-Soviet nostalgia in three countries of the former socialist bloc – Germany, Estonia, and Russia. The main attention is paid to the material and symbolic forms of nostalgia, which manifest themselves as museumification and commodification of the Soviet past. In the German version, the phenomenon of nostalgia emerged in the 1990 s, which is reflected in private and commercial museums featuring everyday life of the GDR. The article compares two expositions of two Berlin museums. There are several museums in Estonia related to the Soviet past from the country's history, including museums of occupation. This article discusses two cases of Estonian commemoration of the socialist period, the grim KGB museum in Tartu and the ruined remains of Soviet military installations on the island of Hiiumaa. The paper reveals inconsistency of perception of the Soviet past in this Baltic country. The Moscow museums of the Soviet toy and the Yandex museum show the symbolic and material forms of the existence of the Soviet past in modern Russia in its nostalgic dimension. The article is based on materials from the included observation and ethnography of museum spaces.

Keywords: museums; semiotics; nostalgia; Soviet times; historical trauma; East Germany.

Received: 05.07.2019

Accepted: 20.07.2019

Современные музеи являются не только хранилищами памяти о прошлом, но активно участвуют в производстве символических, идеологических и содержательных форм коллективной памяти и служат значимыми ресурсами для конструирования гражданской и национальной идентичности [Museums and Memory, 2000]. Политические, экономические, социальные и культурные изменения оказывают серьезное влияние на способы информирования о прошлом и сюжеты, которые представлены в экспозициях музеев, посвященных различным историческим периодам развития страны. Случай бывших стран коммунистического блока и в первую очередь государств бывшего СССР особый. Мы знаем, что страны Восточной и Центральной Европы активно расстаются с коммунистическим прошлым и официально полагают его травматичным опытом внешней оккупации. Травматизация советского прошлого в этих странах стала частью официальной политики памяти, кото-

рую поддерживают правительства. Так вырабатывается новая национальная идентичность, хотя остается место и для ностальгии.

Самым известным примером такой ностальгии является «Остальгия» (нем. *Ostalgic*, от *Osten*) – ироническая ностальгия по материальному миру советского прошлого, которая получила распространение в восточной части Германии. Несколько лет назад об этой форме ностальгии вышла книга под редакцией М. Тодоровой и З. Жилле и много других публикаций [Petrovic, 2010, p. 61–81; Berghahn, 2014; Velikonja, 2009; Nikolayenko, 2008]. Этот тип ностальгии также имеет свои формы музеефикации [Berdahl, 1999; Betts, 2003]. Для молодого поколения подобные музеи – это аттракцион погружения в странный мир неизвестной материальности. Также эта форма иронической ностальгии успешно коммодифицируется: мы можем видеть как рестораны и кафе обыгрывают интерьеры и символику советского времени, выпускают сувениры, существует рынок советского винтажа – мебели, одежды, техники.

В течение последних тридцати лет все страны бывшего социалистического лагеря прошли через глубокие исторические перемены, которые нередко имели травматический характер для населения и были связаны с пересмотром социалистического прошлого: открытием темных страниц истории, крушением сложившихся систем мышления и представления о прошлом, утратой исторической идентичности и болезненными попытками обретения новой. При этом судьба музеефицированной коллективной памяти о советском периоде в России заметно отличается от соответствующих режимов памяти стран бывшего СССР, которые варьируются от интеграции до отторжения этой части своей истории, но чаще концентрируются на поиске и даже «изобретении» собственных традиций коллективной памяти, сопряженных с целями государственного и национального строительства, а социалистическое прошлое предстает как навязанный извне тупиковый маршрут национальной истории.

Моя статья посвящена различным аспектам музеефикации советского прошлого в странах бывшего социалистического блока и России и представляет собой прикладной анализ избранных кейсов музеефикации на основе материалов включенного наблюде-

ния¹. Идея статьи отражает мое базовое предположение, касающееся музеефикации советского: она является объектом усилий различных институциональных акторов, сообществ памяти, медиа и отдельных людей. Под музеефикацией я понимаю стремление собрать, категоризовать, сохранить и продемонстрировать материальные и культурные артефакты поздней советской эпохи, а также желание выделить и охарактеризовать типичные черты той эпохи, воплощенные в устройстве повседневной жизни «простых советских людей».

Семиотика берлинской «остальгии»

Несмотря на уют и простор этого города, первое впечатление от Берлина – как будто произошла чудовищная катастрофа и город был разрушен почти до основания, а потом на этом месте зародилось несколько цивилизаций, пытавшихся вспомнить о прошлом и одновременно построить что-то свое. Конечно, Берлин пережил катастрофу, наверное вполне заслуженную, и, конечно, несмотря на тридцать лет прошедших с момента разрушения Берлинской стены фантомные раны искусственной разделенности города все еще видны наблюдателю. Главной попыткой сшивания разорванной исторической и пространственной ткани Берлина стал масштабный проект реконструкции Рейхстага Нормана Фостера. Стекланный купол с зеркальными гранями, похожий на гигантский оптический прибор по накоплению энергии, кажется, предназначен, чтобы стянуть вместе и сплавить Восточный и Западный Берлин, затянуть раны войны и последующих десятилетий разделения страны. Удастся ли это полностью и успешно сделать, выполняет ли Рейхстаг эту функцию?

Отчасти да, только энергия эта работает на «победившую» в холодной войне сторону – ведь все способы существования, организации общества, политики и экономики были принесены в восточную «зону» как данность, которую всегда приносят с собой победители. Поэтому сшивка произошла отнюдь не как объединение, а как поглощение, что, возможно, и породило столь сильный феномен «остальгии» во второй половине 1990-х годов. «Остальгия»

¹ Репортажи по результатам включенного наблюдения см.: [Абрамов, 2019 а; Абрамов, 2017 а; Абрамов, 2017 б].

[Blum, 2000; Bach, 2002; Pan, 2013], вероятно, естественным образом уходит из сознания жителей восточной части Германии вместе со старением поколений, живших в ГДР, но преодолевается ли историческая разделенность – этот вопрос остается открытым. Ярким проявлением «остальгии» является музеефикация ГДР: в восточной части Германии есть несколько негосударственных музеев, посвященных социалистической истории этих регионов страны. Здесь мы обратимся к семиотическому взгляду на содержание экспозиций некоторых из них, находящихся в Берлине. Сравним два музея: DDR Museum¹, расположенный в туристическом центре Берлина и Museum in der Kulturbrauerei (Музей повседневности ГДР)², находящийся в креативном пространстве хипстерского района Панков. До недавнего времени самым известным и популярным музеем «остальгии» был Музей ГДР – это отлично сделанная коммерциализированная машина по производству иронических впечатлений от удивительного и довольно убогого (по мнению создателей) мира Восточной Германии.

Рис. 1.

¹ Режим доступа: <https://www.ddr-museum.de/en>

² Режим доступа: <https://www.visitberlin.de/en/museum-der-kulturbrauerei>

Музей находится рядом с Берлинским кафедральным собором в подземном помещении, напоминающем бункер, вход в которое расположен прямо у набережной. Место бойкое и очень туристическое – неподалеку от музейного острова. Этот музей погружает посетителя в мир ГДР через материальный мир и сведения о социальном и культурном устройстве Восточной Германии.

Меняются местами над столом партийного босса СЕПГ изображения Ленина, Маркса, Энгельса на интерактивных портретах, можно посетить типовую квартиру жителя Восточной Германии, узнать о службе в армии и даже о движении натурастов в 1960–1980-е годы. Конечно, есть камера для узника Штази и многое другое. Этот музей часто был объектом интереса исследователей и стал одной из визитных карточек туристического Берлина.

Более интересен Музей повседневности ГДР в районе Панков, куда доступ бесплатный, но где есть обширная и отлично сделанная экспозиция, посвященная социалистическому периоду в восточногерманской истории. Целый зал музея фактически посвящен жизни рабочего класса, включая рассказ о промышленности, быте, культурном отдыхе и способах мотивации. Уделяется внимание коллективным общностям рабочих – совместным праздникам, путешествиям, активному отдыху. Тематический зал выглядит как музей советской индустрии или крупного предприятия с большой историей.

Если в Музее ГДР работа спецслужб показана как часть большой машины репрессий и относительно банально – в виде допросной камеры, то в Музее повседневности ГДР работа спецслужб и полиции оповседневнена – она рассматривается как органичный элемент восточнонемецкого общества. Стоит легкий модернистский стол сотрудника Штази, на котором лежит досье на одного из граждан ГДР. Всё обыденно, немного скучно и, по-своему, даже стильно, как это было в ранних 1970-х годах. Вот рассказ о «добровольных помощниках полиции» – добропорядочных гражданах страны, которые не только готовы помочь ближнему и соседу, но последить за этим ближним, не забыв доложить куда следует, если этот ближний повел себя не так. То есть в этом музее полиция и Штази – не нечто отдельное от общества, но часть восточнонемецкого общественного порядка, который наследует более ранний прусский порядок.

Если в Музее ГДР, очевидно, для привлечения туристов преувеличенно много уделено внимания движению натуразма в Восточной Германии, в Музее повседневности об этом свидетельствует лишь одно фото в большом настенном фотоколлаже. Зато здесь можно найти интерьер типичной немецкой дачи, подробные сведения об организации розничной торговли, увидеть настоящий газетный киоск 1960–1970-е годов с обложками журналов и газет, подробно узнать о тихом сопротивлении режиму в виде самиздата, работы церкви и протестных молодежных движениях – «хиппи-автостопщиках» и панках в Восточной Германии. Оба музея невольно являются ностальгическими по своей сути – некоммерциализированный Музей ГДР иронизирует и «продает» ГДР наивному зевাকে-туристу, а Музей повседневности детально и, скорее, благожелательно рассказывает о том, как была устроена «социалистическая Пруссия» (как иногда называли ГДР).

Рис. 2

Возможно, оба музея невольно раскрывают некоторые важные черты немецкого национального характера, которые не принято выставлять напоказ. В первую очередь – это своеобразный коллективизм, который проявляется, правда, не в тихом конформизме, как в Советском Союзе, а в стремлении организовать какое-нибудь сообщество по любой теме – будь то трудовой коллектив или бригада, общество садоводов-любителей, натурастов или даже «помощников полиции». И если в СССР движение ДНД (добровольная народная дружина) и различные общества, основанные на хобби, всегда были неким прибежищем чудаков или добровольно-обязательной инициативой власти, а граждане предпочитали «сообщаться на троих» в гаражах, вместо того чтобы делиться садоводческими рецептами, то роль низовых, но институционально организованных сообществ в ГДР трудно переоценить. Были в их истории мрачные времена, когда из певческих и туристических организаций прорастали ядовитые семена крайнего национализма, но в целом то, что можно назвать гражданским обществом, начинается с обретения навыков самоорганизации на основе самых разных интересов, что только начинает появляться в России. При чем тут музеефикация ГДР?

Оба музея вполне подробно (хотя Музей ГДР в меньшей степени) рассказывают о том, какую роль различные общества по интересам занимали в жизни Восточной Германии – рабочие объединялись в туристические группы для коллективных поездок по стране и делали это на постоянной основе с последующим обменом впечатлениями, садоводы активно развивали свои товарищества, были и живые потребительские сообщества. Судя по всему, все эти и другие сообщества не остались формальными организациями для чудаков, а действительно предполагали серьезное вовлечение членов в их деятельность.

Бинарная оппозиция «развлечение / познание» наилучшим образом показывает различие в концепциях двух музеев. Музей ГДР – о том, как странно жили «другие» в восточном блоке, Музей повседневности – о том, какое сложное, по-своему интересное и содержательно насыщенное, хотя и противоречивое общество это было.

Грани советского прошлого в Эстонии

Эстония пытается найти новые пути обращения с памятью о советском периоде. Не секрет, что на протяжении первых десятилетий после распада СССР страны Балтии, входившие в состав Союза, последовательно работали над развитием собственной национальной и этнической идентичности посредством воссоздания (а иногда и изобретения) национальных традиций, активной поддержки возрождения языков и особой мемориальной политики, сфокусированной на истории первого периода независимости и локальной истории отдельных мест, зданий и семей. При этом советский период оценивался исключительно как провал национальной истории и как историческая травма. Возможно, такая концентрация в историческом национальном строительстве была вполне оправдана в первое десятилетие обретения независимости.

Между тем ситуация меняется, и сегодня можно наблюдать, как постепенно растет содержательный интерес историков и более широкой аудитории к советскому периоду жизни Прибалтики и особенно к его относительно «вегетарианскому» времени застоя [Kõresaar, Jõesalu, 2016; Kõresaar, 2004; Klumbyte, 2010]. Примером этого осторожного поворота может служить мемориальный ландшафт второго по размеру эстонского острова Хийумаа, фактически природного заповедника площадью порядка 1000 км, на территории которого проживает не более 9–10 тыс человек. Летом этот остров становится центром экологического и исторического туризма, ориентированного прежде всего на эстонское население. Основными достопримечательностями острова являются жилые дома, небольшие церкви, маяки и складские и хозяйственные постройки XVI–XIX вв. Однако другой стороной жизни этого острова стала его примечательная военная история, тесно связанная с военными конфликтами первой половины XX в. и противостоянием СССР и Запада периода холодной войны.

Остров входит в Моонзундский архипелаг и оказался удобным местом для размещения крупнокалиберных береговых артиллерийских орудий и строительства мощных железобетонных бункеров для гарнизонов, обслуживавших эти орудия. Основательные фортификационные сооружения стали строиться на побережье Хийумаа в конце 1939 г., сразу после вхождения частей Красной армии в Эстонию. К началу Великой Отечественной войны они не

были закончены, но военные строители и местный гарнизон оказались в трагической ситуации: во время осеннего отступления Красной армии штурм не дал возможности провести морскую эвакуацию красноармейцев и 3000 бойцов попали в немецкий плен, где почти все погибли от голода и болезней. Для немецкой армии почти до самого конца войны Хийумаа был глубоким тылом, куда отправляли раненых солдат на излечение.

Победное возвращение Советской армии открыло новую страницу в военной истории Хийумаа. Между 1945 и 1956 гг. на побережье было завершено строительство мощного подземного и надземного фортификационного комплекса, включавшего бункер управления артиллерийским огнем и собственно батарею крупнокалиберных орудий, защищавших подходы к Рижскому и Финскому заливам со стороны Балтийского моря. В целом же Хийумаа оставался под контролем советских военных вплоть до вывода российской армии из балтийских стран в 1992–1993 гг.

Военное прошлое Хийумаа можно узнать от активистов местного общества любителей военной истории, которые на протяжении последних двенадцати лет ведут активную работу по музеефикации и экспонированию этого периода истории. В основном члены исторического общества – мужчины старшего возраста, «отставники», успевшие послужить в Советской армии и окончившие свою карьеру в Эстонских вооруженных силах, увлекающиеся военным краеведением. Один из них и был экскурсоводом по Музею военной истории Хийумаа и заброшенному бункеру. В ходе экскурсии он делился некоторыми фактами из собственной биографии и отношением к советскому прошлому. Он действительно служил в Советской и Эстонской армиях, считал себя патриотом независимой Эстонии, но при этом было заметно восхищение огромными возможностями и мощью советских вооруженных сил, способных построить столь масштабные подземные фортификации. Эта амбивалентность исторического сознания, возможно, является неотъемлемой характеристикой многих жителей балтийских стран старшего поколения.

Подземные укрепления Советской армии находятся на холме примерно в километре от берега, и если раньше для организации наблюдения за побережьем требовалось пустое пространство и поэтому там ничего не росло, то за прошедшие десятилетия местность покрылась молодым сосновым лесом. Однако следы актив-

ной деятельности человека все еще заметны. Это поросшие мхом бетонные плиты, кое-где торчащие из земли, и цилиндрический бронированный колпак с пулеметными гнездами. На броне можно обнаружить следы солдатского фольклора – кто-то вырезал на металле надписи «Демобилизация 1957, 1959». Остались и другие приметы советской военной части – например, бетонная стена, служившая пространством наглядной агитации на небольшом плацу. На старом бетоне по сохранившемуся контуру красной краской изображена карта СССР с соответствующей надписью. Рисунок регулярно обновляется. Гид обратил внимание на выщерблины в бетоне на этой карте – оказывается, это следы пуль: в 1990-х годах эту местность посещали эстонские националисты, которые вымещали свою ненависть ко всему советскому и русскому, стреляя в карту СССР. Однако уже многие годы ничего такого не происходит – большинство эстонцев озабочено не старыми постколониальными травмами, а обустройством своей небольшой страны.

Осмотрев «заброшку» на поверхности, по узкому бетонному тоннелю мы спустились в подземный бункер – пункт управления артиллерийской стрельбой из орудий с калибром 180 мм, когда-то расположенных у самого берега. Пройдя метров пятьдесят по сухому узкому железобетонному коридору, мы оказываемся в подземном пространстве, состоящем примерно из десяти комнат различного размера, соединенных переходами. На стенах сохранились остатки синей масляной краски, под потолком кое-где видны ржавые трубы воздуховодов вентиляции, чуть ниже кронштейны-держатели для кабелей. Российская армия покинула эти места в 1992 г., и тогда бункер и окружающее пространство стали доступны всем желающим. Конечно, все ценное, годное для сдачи в металлолом вынесли в первые пару лет, но сам подземный комплекс находится в удовлетворительном состоянии – ничего не затоплено, стены не разрушены, мусора практически нет. На стенах кое-где видны граффити и отметки игроков в геокешинг.

Бункер имеет два уровня, и по крутой лестнице мы спускаемся на нижний уровень, где находился дизельный генератор и пункт спецсвязи. Естественно, никакого света нигде нет – мы подсвечиваем себе путь фонариками в абсолютной темноте. Проводник просит обратить внимание на одну из стен: ее пытались разломать и проделали довольно крупное отверстие, рядом куча обломков бетона. По словам Арнольда, лет десять назад какие-то

сумасшедшие пытались искать здесь сокровища, якобы спрятанные при строительстве бункера. Сложно сказать, кому пришла в голову мысль о том, что советские солдаты и офицеры обладали ценностями, которые нужно было прятать в бетонных стенах военного объекта, но кладоискатели потрудились на славу: смогли пробить стену насквозь, добравшись до песка. А это совсем непросто, учитывая особую марку используемого бетона и метровую толщину стен. Стена бункера по конструкции напоминает слоеный пирог: три слоя стали, окруженные бетоном. Конечно, кладоискатели ничего не обнаружили, но теперь следы их титанических усилий тоже стали частью «экспозиции». По тому, как увлеченно наш эстонский гид рассказывает о технических параметрах комплекса, видно, что его зачаровывает размах и мощь советской военной машины.

Сегодня эти военные «заброшки» притягивают отдельных туристов – любителей «темного туризма» (morbid tourism, death tourism), тогда как в основном посетители Хийумаа интересуются старинными маяками, отличной местной кухней и просто тихим и комфортным отдыхом в экологически чистом месте. Остатки советских гарнизонов и укреплений активно зарастают молодым лесом и превращаются в античные руины, которые служат немymi свидетелями жизни и смерти сильной и воинственной цивилизации, которая когда-то с большим рвением защищала свои рубежи, но затем вдруг исчезла, оставив мегалитические сооружения, чей смысл и предназначение не очень понятны современному населению острова. Нельзя сказать, что посещение этих руин оставляет мрачное ощущение тлена и смерти, скорее оно наводит на мысль о тщете всякого рода мобилизационных усилий и о том, что иногда излишние амбиции ведут к неразумной трате ресурсов. Например, совсем иначе воспринимаются остатки деревенских домов где-нибудь в Центральной России: обычно сельские избы насыщены материальными свидетельствами былой семейной жизни – валяются поломанные игрушки, личные вещи бывших хозяев, иногда на стенах все еще висят фотографии живших когда-то здесь людей.

Как результат, возникает ощущение нахождения на заброшенном кладбище или месте, где произошла антропогенная катастрофа, заставившая обитателей этих жилищ их быстро покинуть. Иными словами, по-настоящему обжитое пространство может умирать в символическом и материальном измерениях, а

опустевшие храмы войны не так сильно эмоционально заряжены, поскольку имеют простую и прагматическую функцию – быть машинами убийства. Впрочем, возможно, в случае фортификаций на острове Хийумаа отсутствие эмоционального заряда травматичной памяти об утраченном прошлом объясняется тем, что именно на их территории не велись основные военные действия Второй мировой войны: судьба гарнизона Красной армии в 1941 г. сложилась трагично, но это произошло в другой части острова. Здесь же советская империя отращивала железобетонные зубы для обороны в случае будущей войны, которая, однако, велась в другой форме и на других фронтах. Не произошло личностной приватизации этого пространства, которое стало «офисом» для служивших здесь офицеров и местом исполнения воинской повинности для призывников. Поэтому практически ничего личного, кроме традиционных граффити «ДМБ» с указанием года, от них и не осталось. Конечно, некоторые из этих надписей выполнены в виде вечных инскрипций на поверхности бронеколпаков, но и это во многом «вынужденное» присвоение казарменного пространства, которое так схоже с тюремным. Наш эстонский гид также провел нас по останкам военного городка, в котором жили офицеры с семьями и находились казармы.

Еще одной достопримечательностью Хийумаа, возникшей благодаря советскому военному наследию, стал местный Музей военной истории, организованный местным же обществом любителей военной истории. Музей возник на базе советского пункта радиолокационного наблюдения, который вместе с работающим оборудованием достался в наследство эстонской армии и работал до 2005 г. Затем встал вопрос – что делать со старым оборудованием и небольшим одноэтажным домом, где оно находилось. Скорее всего, это здание стало бы очередной «заброшкой», но местные историки-любители попросили власть передать им эту территорию под музейную экспозицию. Больше никакой помощи от государства они не получали, а развивали музей собственными силами и на частные пожертвования и небольшие гранты. Между тем музей получился любопытным и может выбить ностальгическую слезу у любого мужчины на территории бывшего СССР, кому довелось проходить срочную службу в рядах Советской армии.

Рис. 4

Помимо образцов военной формы, оружия, оборудования и предметов быта в музее, например, полностью восстановлен интерьер Ленинской комнаты с бюстом вождя и агитационными материалами. На прилегающей территории находится ангар с образцами военного транспорта и даже имеется легендарная пушка-«сорокапятка», сыгравшая столь важную роль на первом этапе войны в борьбе с немецкими танками. В целом нельзя сказать, что экспозиция музея наполнена идеологией отторжения советского как чуждого и оккупационного, хотя элемент иронии присутствует, как и в большинстве подобных музеев Восточной Европы. Организаторами музея являются эстонские краеведы, в основном мужчины старшего возраста, которые прошли срочную службу в Советской армии и скорее с ностальгией вспоминают времена своей молодости, оставаясь при этом последовательными сторонниками независимости своей страны. Этот музейный комплекс уже известен на территории балтийских стран – во время нашего визита посетить его приехали мотопутешественники из Латвии.

Другим локальным плацдармом «войн памяти» в Эстонии стал Тартуский музей КГБ, который расположен в подвале неприметного пятиэтажного жилого дома предвоенной постройки и является филиалом музея городской истории. Спускаясь в подвал, посетитель попадает в узкий коридор, выкрашенный в традициях советских учреждений: унылая темно-коричневая масляная краска от пола до уровня человеческого роста, а выше – побелка. По двум сторонам длинного коридора – тюремные металлические двери с глазами для наблюдений и входы в комнаты, где расположена экспозиция. То есть посетитель попадает в клаустрофобическое пространство тюрьмы, и в этом отношении концепция музея переключается с частью экспозиции известного музейного комплекса «Дом террора» в Будапеште [Greet, 2013], где в разное время располагались и венгерский вариант МГБ-КГБ, и гестапо и в подвале сохранились реальные камеры, в которых содержались политические заключенные.

В Тарту КГБ тоже находился в этом здании в послевоенные годы, и данная экспозиция является реконструкцией того, как выглядели подвалы советской спецслужбы в то время. В целом музей соответствует уже сложившемуся на постсоветском пространстве канону антикоммунистического музея и вписывается в контекст «войн памяти», когда различные интерпретации советского прошлого противостоят друг другу. В странах бывшего социалистического блока в основном принята стратегия на отчуждение советского периода своей истории, который рассматривается как историческая катастрофа, причиной которой стало русско-большевистское нашествие с Востока. Поэтому основная тема музейных экспозиций по данному периоду – это политические репрессии, депортации и героическое сопротивление советской оккупации, а также ироническая игра с материальным и идеологическим миром того времени. Вещи, мода, советская символика рассматриваются как странные арт-объекты еще более странного мира.

Тартуский музей КГБ не является исключением из этого канона: основная часть экспозиции содержит артефакты и описание борьбы эстонского народа с советским режимом. Здесь можно познакомиться с историей «лесных братьев», некоторые из которых продолжали скрываться в балтийских густых лесах до середины 1960-х годов. Также много экспонатов связано с массовыми репрессиями в отношении эстонского населения. Это самодельные

предметы быта, вышивки, элементы одежды, которые изготавливали эстонские заключенные ГУЛАГа и на которых можно увидеть цвета эстонского флага и национальные узоры. Часть экспозиции отведена под характеристику повседневности ГУЛАГа: фанерные чемоданы с нехитрым скарбом, фигура заключенного в ватнике с номером на груди, оловянная посуда, письма родным. Есть примеры самиздата и подпольных листовок, которые расклеивались в эстонских городах.

Собственно деятельности КГБ отведена одна комната, которая оформлена как допросная и в которой, помимо канцелярского письменного стола, есть витрина, где находятся артефакты советской секретной службы: различная аппаратура для скрытой слежки и прослушки. Попадая в эту часть музея, посетитель оказывается напуганным неожиданным голосом из старого динамика: это грубый голос русскоязычного надзирателя, приказывающего заключенному проследовать в камеру и не нарушать правил. Манекен, изображающий надзирателя, находится в конце коридора, в углу. Это плосколицый голубоглазый человек, одетый в советскую форму 1940–1950-х годов. Указатели и подписи под экспонатами свидетельствуют, что музей собирался не один год. Есть уже пожелтевшие таблички с надписями на русском и эстонском, потом есть таблички только на эстонском, а дополнительные пояснительные материалы есть на английском, финском и шведском языках.

Тартуский музей КГБ – один из многих примеров экспозиций о преступлениях коммунистического режима в странах Восточной и Центральной Европы. Получилось так, что в глазах населения этих стран теперь за эти преступления символическую ответственность несет Россия как империя с колониалистскими устремлениями.

Корпоративная ностальгия по советскому в Москве: два кейса

Ритейлеры и некоторые частные корпорации в офисах или при торговых центрах открывают собственные музеи, посвященные деятельности фирмы или профилю работы магазина. Иногда под такие импровизированные музеи отводятся отдельные комнаты, чаще экспозиция помещается в нескольких витринах где-нибудь в холле. Такого рода музеи не являются профессиональ-

ными, поскольку отбором экспонатов и формированием экспозиции занимаются сотрудники организаций, где находятся эти музеи. В данной части статьи речь пойдет о двух музеях, открытых под эгидой бизнеса в Москве и во многом связанных с советским прошлым: о Музее «Яндекса» и Музее советских детских игрушек.

Россия – страна с интересным научно-техническим прошлым, которое, однако, недостаточно изучено и недостаточно полно представлено в наших музеях. Политехнический музей в Москве закрыт на многолетнюю реконструкцию, есть хорошие экспозиции в музеях, посвященных различным этапам освоения космоса и в некоторых корпоративных музеях, поддерживаемых частными и государственными компаниями, например РЖД. Между тем этого явно недостаточно для представления о том, что делалось в советскую эпоху в инженерии и промышленности. Тем ценнее частные инициативы по сохранению наследия научно-технического материального прошлого и представления его широкой аудитории.

Интересными примерами подобных инициатив могут служить Музей советских игровых автоматов в Москве и Петербурге, Музей индустриальной культуры в московских Кузьминках [Абрамов, 2019], несколько автомобильных музеев. Одним из таких музеев является Музей «Яндекса», в основу которого положена коллекция советских компьютеров Виктора Боева. Музей «Яндекса» находится недалеко от Парка культуры, по пути в Хамовники, в одном из респектабельных районов центра Москвы, где помимо элитного жилья расположились хипстерские рестораны и, самое главное, штаб-квартира «Яндекса». Музей совмещен с фирменным магазином IT-компаний, в котором можно приобрести корпоративные сувениры и гаджеты. Сотрудники музея, молодые айтишники, вполне соответствуют расхожему образу творческого программиста, погруженного в проблемы компьютерного «софта» и «железа»: таких молодых людей в джинсах и клетчатых рубашках можно было встретить в Кремниевой долине в конце 1970-х годов, когда отрасль персональных компьютеров только начала развиваться.

В антураже музейного компьютерного «железа» они смотрелись вполне органично и провели обстоятельную экскурсию по музею. Мы начали с докомпьютерной эры и обратились к единственному экспонату музея, не требующему электричества, – черно-

му и изящному, как браунинг, арифмометру «Феликс» производства курского завода «Счетмаш». Я вспомнил, что другим заводом, многие годы производившим «Феликсы», был пензенский завод «Счетмаш», и я в детстве долго играл с подобным железным компьютером, принесенным родителями откуда-то с работы, пока не разобрал его на части из любопытства. Мои более молодые коллеги не сразу поняли принцип работы «Феликса», поскольку никогда не сталкивались с механическими счетными машинами. Затем вместе с экскурсоводом мы проследили эволюцию компьютерной техники от бухгалтерских ретрофутуристических калькуляторов и машин на перфолентах до относительно современных вычислительных машин. В музее представлены не только «персоналки», но и периферия ЭВМ более ранних поколений: например, тяжеленный аппарат по набивке программ на перфоленту шведского производства, который подошел бы в качестве антуража для старого фильма о дальних космических полетах. Конечно, крупных ЭВМ в музее нет, поскольку для размещения какой-нибудь ЕСки или «Урала» требуется целый зал. Один из пензенских «Уралов» в свое время занимал почетное место в экспозиции Политехнического музея, но с начала реконструкции музея судьба этой машины неизвестна. Наш гид обратил специальное внимание на обычный с виду компьютерный блок типа «тауэр», к которому был подключен старенький четырнадцатидюймовый монитор. Оказалось, что это один из десяти первых серверных блоков, с которых начиналась история интернет-компаний «Яндекс» в 1997 г. Остальные блоки давно сдали в утиль, а этот чудом сохранился и после реставрации является вполне рабочей станцией с установленной на ней операционной системой Windows 3.1.

Далее мы вернулись к истории советского компьютеростроения и посмотрели на работающую версию микроЭВМ 1970-х «Электроника 60 М».

Также нам показали материнскую плату этой советской машины и сказали, что, хотя подобных компьютеров было выпущено большое количество, но их восстановление – это сложная задача сегодня. Дело в том, что начинка этих ЭВМ содержала редкие и ценные металлы, включая золото, а поэтому после списания в 1990-е годы техномародеры начали охоту за советскими компьютерами, желая извлечь оттуда дорогой цветмет.

Рис. 5.

Большой заслугой организатора музея и его сотрудников является работа по реставрации древней компьютерной техники и приведению ее в работающий вид: т.е. посетитель не только приходит поглазеть на дизайн старых ЭВМ, но может сыграть в «Тетрис» на той самой модели персоналки с тем самым монитором, для которых эта игра создавалась в недрах советского НИИ. В коллекции музея находятся не только советские машины, но и гэдээровские Robotron и оригинальные версии первых персональных от IBM, запустивших революцию РС по всему миру в конце 1970-х.

Конечно, мы не могли пропустить модельный ряд компании Apple, которым заинтересовались мои коллеги, так как для них модный компьютер представлен прежде всего машинами этой компании. Действительно, «яблочники» всегда находились на ост-

рие технического прогресса и дизайна, нередко опережая свое время и задавая тренд развития всей компьютерной индустрии. Музей гордится тем, что в его коллекции есть уникальный карманный компьютер Newton, который предвосхитил появление планшетов и смартфонов, но из-за своей технической продвинутости и высокой цены чуть не привел Apple к банкротству. Посещение Музея «Яндекса» не только позволяет заглянуть в историю компьютерной техники, но и заставляет поразмышлять о различных аспектах киберностальгии – тяги к старому «софту» и «железу», порожденной стремительным техническим прогрессом в этой области. Ведь основная часть ЭВМ и периферии рассматриваются как рабочие станции, которые должны сгинуть на свалках и разборках после окончания относительно короткой службы. Замечательно, что есть энтузиасты, сохраняющие техническое прошлое.

Музей детства в «Центральном Детском мире» на Лубянке¹ несколько иной случай. Этот музей стал работать вместе с открытием полностью обновленного «Детского мира», чье внутреннее пространство радикально изменилось после реконструкции, начатой в 2008 г. и было подвергнуто резкой критике со стороны общественности и экспертов, которые констатировали полное разрушение исторических интерьеров магазина, открытого в 1957 г. и являющегося памятником архитектуры. Теперь «Детский мир» – это гигантский семиэтажный торгово-развлекательный комплекс с игровыми площадками, ресторанами, подземной парковкой и, конечно, магазинами, преимущественно ориентированными на детскую и подростковую аудиторию. Несмотря на разрушение аутентичных интерьеров, брендинговое позиционирование «Детского мира» тесно увязано с ностальгическими отсылками к его советской истории, что заметно даже в символике и логотипе магазина, а также в его характеристике как магазина «счастливого детства», отсылающей к лозунгу о «советском счастливом детстве». К тому же девелопер, занимавшийся преобразованием «Детского мира», нуждался в оправдании своих действий в контексте сохранения исторического наследия и особой атмосферы «главного детского магазина страны». Создание Музея детства стало частью реализации этой стратегии.

¹ Режим доступа: <http://cdm-moscow.ru/attractions/museum>

Локации музея указаны на всех картах-схемах обширной территории «Детского мира» и все равно его не так просто найти. Нужно подняться на шестой этаж, где находятся недорогие закусочные уровня «Макдональдса», найти выход на лестницу, подняться по ней еще раз на этаж и оказаться у входа в длинное помещение неправильной формы, которое и является Музеем детства. У стен этого помещения размещены стеклянные витрины и подставки, где находятся игрушки, сгруппированные по принципу схожей функциональности (куклы к куклам) или использованию одного и того же материала – например, пластиковые игрушки-животные собраны вместе двумя-тремя группами. В основном в музее представлены игрушки, выпускавшиеся со второй половины 1960-х годов до начала 1990-х годов – период расцвета индустрии детской игрушки в СССР. Людям среднего и старшего возраста большинство игрушек знакомы по собственному детству или по детству братьев и сестер и вызывают ностальгические чувства. Автор концепции музея и первый его руководитель Михаил Коробко в одном из интервью подчеркивал, что этот музей открыт не только для детей, но и для взрослых с их ностальгическими воспоминаниями: *«Вообще такие музеи, как ни парадоксально, делаются для взрослых. Потому что у детей нет ностальгии, а у взрослых она есть – с другой стороны, это место, куда взрослый может пойти с ребенком, и обоим будет интересно»*¹.

Действительно, любой ребенок, росший в 1970–1980-е годы, будет рад снова увидеть знакомые наборы оловянных и пластиковых солдатиков, гоночные машинки, куклы, пистолеты, настольные игры, в которые играл он и его сверстники. Это эмоция мгновенного узнавания и погружения в собственное детство. В каждом музее есть соответствующая аналитическая часть, представленная в форме пояснительных подписей к экспонатам, однако в Музее детства с этим есть проблемы: подписи имеются у очень небольшого числа экспонатов и, пожалуй, только у одного имеется собственная история. Это плюшевый мишка 1938 года выпуска, который подарен жителем Москвы музею: эта игрушка сопровождала жителя на протяжении всей жизни и стала символом семьи. Так ностальгия по советскому [Oushakine, 2000; Lipovetsky, 2004; Kalinina, 2014] приватизируется частными корпорациями.

¹ Режим доступа: http://www.m24.ru/articles/70965?utm_source=CopyBuf

Заключение

Основная задача этой статьи – на основе материалов включенного наблюдения и аналитической базы исследований ностальгии показать, как пространственное, материальное и символическое сплавляются вместе, производя аффективное восприятие советского прошлого в странах бывшего социалистического блока. Феномен «ностальгии» был первой ласточкой ностальгического поворота в различных странах Восточной и Центральной Европы. Берлинские музеи повседневности ГДР отражают разные перспективы этого поворота: с одной стороны, коммодифицированная карнавализация Музея ГДР, с другой – сбалансированный, но все же вполне благосклонный взгляд на ушедший мир Восточной Германии, породивший эндемичный стиль жизни и потребления. Оба музея – отлично собранные и информационно насыщенные пространства, дающие вполне полное, хотя и окрашенное в ностальгические тона представление о жизни в ГДР.

Страны Балтии в конструировании своей государственной идентичности через историю негативизировали ее советский период, отнеся его ко времени национальных потерь. Одновременно, даже спустя тридцать лет, советская цивилизация все еще дает о себе знать в микрорайонах массовой застройки того времени или руинах советских военных баз, превращенных в туристические точки, подобно развалинам древних государств. При этом активно эксплуатируется образ советских спецслужб и армии, превращенных в страшные и одновременно смешные ужасы прошлого. Поэтому и развалины на острове Хийумаа и Тартуский музей КГБ пугают, но пугают как могут испугать посетителей аттракциона ужасов в парке развлечений. Это, конечно, не отменяет трагических страниц истории балтийских стран в период их советской истории.

О постсоветской ностальгии в России написано много всего [Абрамов, 2011; Каспэ, 2008; Касамара, Сорокина, 2011; Кертман, 2007], и кажется, уже все подробно изучено, хотя книги по теме продолжают выходить [Post-soviet, 2019]. В этой статье я затронул относительно незаметный феномен корпоративных музеев, в которых значимое место занимает материализация советского. В целом можно сказать, что семиотизация советского в коллективной памяти в Германии, Эстонии и России реализуется через аффективную

музеефикацию¹ и соединение символического, материального и исторического, что продуцирует соответствующие социальные и культурные практики.

Список литературы

- Абрамов Р.Н. Советские и несоветские компьютеры: киберностальгия в Музее Яндекса // Улица Московская. 2 марта 2019 г. – Режим доступа: <http://ym-penza.ru/kulturnyj-sloj/proekty-i-publikatsii/item/4994-sovetskie-i-nesovetskie-kompyutery-kibernostalgiya-v-muzee-yandeksa>
- Абрамов Р.Н. Тартуский музей КГБ: локальный плацдарм «войн памяти» // Улица Московская. 21 января 2017 г. – Режим доступа: <http://ym-penza.ru/kulturnyj-sloj/proekty-i-publikatsii/item/3342-tartuskij-muzej-kgb-lokalnyj-platsdarm-vojn-pamyati>
- Абрамов Р.Н. Эстонский остров Хийумаа: между экотуризмом и советскими руинами // Улица Московская. 29 октября 2017 г. – Режим доступа: <http://ym-penza.ru/kulturnyj-sloj/proekty-i-publikatsii/item/3990-estonskij-ostrov-khijumaa-mezhdu-ekoturizmom-i-sovetskimi-ruinami>
- Абрамов Р.Н. Грани неформальной музеефикации «реального социализма»: материализация ностальгического аффекта // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – С. 274–299.
- Абрамов Р.Н. Репрезентации советского в российской блогосфере: социологический взгляд // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2011. – № 3–1. – С. 40–48.
- Касамара В.А., Сорокина А.А. Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // Общественные науки и современность. – М., 2011. – № 6. – С. 18–31.
- Каспэ И.М. «Съесть прошлое»: идеология и повседневность гастрономической ностальгии // Пути России: культура – общество – человек: Материалы Международного симпозиума (25–26 янв. 2008 г.) / под общ. ред. А.М. Никулина. – М.: Логос, 2008. – Т. 15. – С. 205–218.
- Кертман Г. Эпоха Брежнева – в дымке настоящего // Социальная реальность. – М., 2007. – № 2. – С. 5–22.
- Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 396 с.
- Bach J. The Taste Remains': Consumption, (N)Ostalgia, and the Production of East Germany // Public Culture. – 2002. – N 14. – P. 545–556.
- Berdahl D. '(N)Ostalgie' for the Present: Memory, Longing, and East German Things // Ethnos: Journal of Anthropology. – 1999. – Vol. 64, Iss. 1. – P. 192–211.

¹ Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 396 с.

- Betts P. Remembrance of Things Past: Nostalgia in West and East Germany, 1980–2000 // *Pain and Prosperity: Reconsidering Twentieth-Century German History* / Ed. Paul Betts and Greg Eghigian. – Stanford: Stanford UP, 2003. – P. 178–207.
- Blum M. Remaking the East German Past: Ostalgie, Identity, and Material Culture // *Journal of Popular Culture*. – 2000. – Vol. 34, Iss. 3. – P. 229–253.
- Greet J. The House of Terror and the Holocaust Memorial Centre: Resentment and Melancholia in Post-89 Hungary // *European Cultural Memory Post-89*. – Rodopi: European Studies, 2013. – T 30. – P. 29–62.
- Kalinina E. Mediated post-soviet nostalgia. – Stockholm: Södertörns högskola, 2014. – 216 S.
- Klumbyte N. The Soviet Sausage Renaissance // *American Anthropologist*. – New York, 2010. – N 1. – P. 22–37.
- Kõresaar E., Jõesalu K. Post-Soviet memories and 'memory shifts' in Estonia // *Oral History*. – Tallinn, 2016. – Vol. 44, N 2. – P. 47–58.
- Kõresaar E. Memory and History in Estonian Post-Soviet Life Stories: Private and Public, Individual and Collective from the Perspective of Biographical Syncretism. – Tartu: University of Tartu Press, 2004. – 147 S.
- Lipovetsky M. Post-Sots: Transformations of Socialist Realism in the Popular Culture of the Recent Period // *Slavic and East European Journal*. – New York, 2004. – N 3. – P. 356–377.
- Museums and Memory / Ed. by Susan A. Crane. – Stanford: Stanford University Press, 2000. – 257 p.
- Nikolayenko O. Contextual effects on historical memory: Soviet nostalgia among post-Soviet adolescents // *Communist and Post-Communist Studies*. – Princeton, 2008. – N 41. – P. 243–259.
- Oushakine S. In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia // *Europe-Asia Studies*. – Princeton, 2000. – N 6. – P. 991–1016.
- Pan L. Nostalgia as Resistance: Memory, Space and the Competing Modernities in Berlin and Shanghai // *European Journal of East Asian Studies*. – Berlin, 2013. – Vol. 12, N 1. – P. 135–160.
- Petrovic T. Nostalgia for the JNA? Remembering the Army in the Former Yugoslavia // *Post-communist nostalgia* / edited by M. Todorova and Z. Gille. – New York: Berghahn Books, 2010. – P. 61–81.
- Post-communist nostalgia / ed. by M. Todorova and Z. Gille. – New York: Berghahn Books, 2010. – 211 p.
- Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies / ed. by Otto Boele, Boris Noordenbos, Ksenia Robbe. – L.: Routledge, 2019. – 194 p.
- Twenty Years After Communism. The Politics of Memory and Commemoration / ed. by Michael Bernhard and Jan Kubik. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 215 p.
- Velikonja M. Lost in Transition: Nostalgia for Socialism in Post-socialist Countries // *East European Politics and Societies*. – Budapest, 2009. – N 4. – P. 535–551.

References

- Abramov, R.N. (2019, 2 marta). Sovetskie i nesovetskie komp'yutery: kibernostal'giya v Muzee Yandeksa. *Ulica Moskovskaya*. Retrieved from <http://ym-penza.ru/kulturnyj-sloj/proekty-i-publikatsii/item/4994-sovetskie-i-nesovetskie-kompyutery-kibernostalgiya-v-muzee-yandeksa>
- Abramov, R.N. (2017, 21 yanvarya). Tartuskij muzej KGB: lokal'nyj placdarm «vojn pamyati». *Ulica Moskovskaya*. Retrieved from <http://ym-penza.ru/kulturnyj-sloj/proekty-i-publikatsii/item/3342-tartuskij-muzej-kgb-lokalnyj-platsdarm-vojn-pamyati>
- Abramov, R.N. (2017, 29 oktyabrya). Estonskij ostrov Hijumaa: mezhdu ekoturizmom i sovetскими ruinami. *Ulica Moskovskaya*. Retrieved from <http://ym-penza.ru/kulturnyj-sloj/proekty-i-publikatsii/item/3990-estonskij-ostrov-khijumaa-mezhdu-ekoturizmom-i-sovetскими-ruinami>
- Abramov, R.N. (2019). Grani neformal'noj muzeefikacii «real'nogo socializma»: materializaciya nostal'gicheskogo affekta. In A. Zavadskogo, V. Sklez & K. Suverinoy (Eds.), *Politika affekta: muzej kak prostranstvo publichnoj istorii* (pp. 274–299). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Abramov, R.N. (2011). Reprezentacii sovetskogo v rossijskoj blogosfere: sociologicheskij vzglyad. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, (3–1), 40–48.
- Kasamara, V.A. & Sorokina, A.A. (2011). Postsovetskaya nostal'giya v povsednevnom diskurse rossiyan. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (6), 18–31.
- Kaspe, I.M. (2008, 25–26 yanv.). «S'est' proshloe»: ideologiya i povsednevnost' gastronimicheskoy nostal'gii. In A.M. Nikulina (Eds.), *Puti Rossii: kul'tura – obshchestvo – chelovek: Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma* (Vol. 15, pp. 205–218). M.: Logos.
- Kertman, G. (2007). Epoha Brezhneva – v dymke nastoyashchego. *Social'naya real'nost'*, (2), 5–22.
- Zavadsky, A., Skljuz, V. & Suverina, K. (Eds.). (2019). *Politika affekta: muzej kak prostranstvo publichnoj istorii*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bach, J. (2002). The Taste Remains': Consumption, (N)Ostalgia, and the Production of East Germany. *Public Culture*, (14), 545–556.
- Berdahl, D. (1999). '(N)Ostalgie' for the Present: Memory, Longing, and East German Things. *Ethnos: Journal of Anthropology*, Vol. 64. Iss. 1, 192–211.
- Betts, P. (2003). Remembrance of Things Past: Nostalgia in West and East Germany, 1980–2000. In Paul Betts and Greg Eghigian (Eds.), *Pain and Prosperity: Reconsidering Twentieth-Century German History* (pp. 178–207). Stanford: Stanford UP.
- Blum, M. (2000). Remaking the East German Past: Ostalgie, Identity, and Material Culture. *Journal of Popular Culture*, Vol. 34. Iss. 3, 229–253.
- Greet, J. (2013). The House of Terror and the Holocaust Memorial Centre: Resentment and Melancholia in Post-89 Hungary. *European Cultural Memory Post-89. Rodopi. European Studies*, (30), 29–62.
- Kalinina, E. (2014). *Mediated post-soviet nostalgia*. Stockholm: Södertörns högskola.
- Klumbyte, N. (2010). The Soviet Sausage Renaissance. *American Anthropologist*, (1), 22–37.

- Kõresaar, E. & Jõesalu, K. (2016). Post-Soviet memories and 'memory shifts' in Estonia. *Oral History*, Vol. 44, (2), 47–58.
- Kõresaar, E. (2004). *Memory and History in Estonian Post-Soviet Life Stories: Private and Public, Individual and Collective from the Perspective of Biographical Syncretism*. Tartu: University of Tartu Press.
- Lipovetsky, M. (2004). Post-Sots: Transformations of Socialist Realism in the Popular Culture of the Recent Period. *Slavic and East European Journal*, (3), 356–377.
- Susan, A. (Eds.). (2000). *Crane. Museums and Memory*. Stanford: Stanford University Press.
- Nikolayenko, O. (2008). Contextual effects on historical memory: Soviet nostalgia among post-Soviet adolescents. *Communist and Post-Communist Studies*, (41), 243–259.
- Oushakine, S. (2000). In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*, (6), 991–1016.
- Pan, L. (2013). Nostalgia as Resistance: Memory, Space and the Competing Modernities in Berlin and Shanghai. *European Journal of East Asian Studies*, Vol. 12, (1), 135–160.
- Petrovic, T. (2010). Nostalgia for the JNA? Remembering the Army in the Former Yugoslavia. In M. Todorova & Z. Gille (Eds.). *Post-communist nostalgia* (pp. 61–81). New York: Berghahn Books.
- Todorova, M. & Gille, Z. (Eds.). (2010). *Post-communist nostalgia*. New York: Berghahn Books.
- Boele, Otto, Noordenbos, Boris & Robbe Ksenia (Eds.). (2019). *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies*. L.: Routledge.
- Bernhard, Michael & Kubik, Jan. (Eds.). (2014). *Twenty Years After Communism. The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press.
- Velikonja, M. (2009). Lost in Transition: Nostalgia for Socialism in Post-socialist Countries. *East European Politics and Societies*, (4), 535–551.